

- [Джеймс Уайт](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Человек, открывший дверь, не стал спрашивать, кто они и что им нужно. Он молча смотрел на капитана Грегори и офицеров, вошедших следом, и ждал. Испуг мелькнул лишь в его глазах, единственной части лица, способной выражать эмоции. Остальное было неподвижной блестящей маской, следствием пластической операции. Но глаза говорили, что он ожидал этот визит, ждал и боялся его долгие годы.

– Вы Джеймс Эндрю Колфилд, – тихо произнес Грегори, – бывший механик грузо-пассажирского судна «Подсолнечник»? Разрешите войти?

Человек кивнул, и они вошли в комнату.

Грегори сел напротив Колфилда, а его люди, Хартман и Нолан, остались стоять, не спуская глаз с бывшего механика. Они принесли с собой память об искаженных страданием лицах, о хрупких, как стекло, замерзших телах, разбитых искалеченных кораблях – преступной халатности некоторых космонавтов. Лейтенанты Хартман и Нолан держали себя в руках, не давая воли владевшей ими ненависти, ненависти, которую они испытывали к Колфилду и ему подобным. Но и скрывать своей ненависти они не собирались.

– У вас есть выбор, – сказал Грегори. – Вы либо отправляетесь в тюрьму, либо следуете за нами.

После короткой паузы он добавил:

– Разумеется, вы можете обвинить во всем вашего покойного капитана, хотя не уверен, что вам удастся это сделать через столько лет. Предупреждаю, вам грозит суровый приговор. Поэтому советую добровольно помочь следствию и вернуться на место преступления.

– Я лечу с вами, – сказал Колфилд. – Правда, место преступления несколько отдалилось... – не без тени усмешки добавил он.

Хартман угрожающе откашлялся, но Грегори решил, что время взяться за этого человека всерьез еще не наступило. И, не обращая внимания на тон Колфилда, он ответил:

– Мне приходилось слышать, что наше Солнце совершает обороты вокруг центра Галактики, а Галактика в целом тоже движется. Так что я догадываюсь, что точка, в которой находился «Подсолнечник» одиннадцать лет назад, сейчас очень далеко. Но для наших целей мы можем рассматривать Солнце со всеми планетами, лунами, метеоритами и различным мусором, добавленным нами, как единую гравитационную систему. Вам разрешено взять с собой семьдесят фунтов багажа. Решайте, что вы будете брать.

Грегори подумал, что Колфилд больше похож на штурмана, чем на механика. И пожалел, что его пленник в свое время находился не на капитанском мостике, а у реактора. Но он был единственным оставшимся в живых членом экипажа «Подсолнечника», и Грегори вынужден был довольствоваться тем, что есть.

Наблюдая, как Колфилд собирается – он взял с собой в основном технические книги, портрет покойной жены и кое-какие мелочи, – Грегори немало узнал об этом человеке. Многое сказала ему и квартира Колфилда, сказала куда больше, чем заметили полицейские, которым удалось выследить механика. Все это могло пригодиться позже, когда придется покрепче нажать на Колфилда.

– Этот легко согласился, – заметил Нолан, пока Колфилд и Хартман улаживали дела с управляющим домом. – Обычно они сопротивляются. И многие предпочитают тюрьму.

– Может, он любит космос, – сказал Грегори, – и тоскует без него. Ты же знаешь бывших космонавтов. Может, он согласен на любые условия, только бы побывать там снова.

– Если бы он обожал космос, – проворчал Подан, – он бы не сделал так, чтобы закрыть его

для себя навсегда.

Простого ответа здесь не было...

По дороге к космопорту Грегори молчал. Он думал о квартире, которую они только что покинули. Книжные полки свидетельствовали о том, что Колфилд старался не отставать от жизни, что он страстно интересуется всем относящимся к космическим полетам, не ограничиваясь своей специальностью. Обстановка квартиры при всей ее скромности не лишена была женского вкуса. Но пыли по углам такая женщина не допустила бы. Грегори узнал от полицейских, что жена Колфилда умерла два года назад, однако Грегори был убежден, что ни одна вещь в квартире с тех пор не поменяла своего места, а хозяин старался поддерживать прежний порядок.

Интеллигентный, чувствительный тип, свято хранящий память о жене, решил Грегори. Надо будет учесть это при допросах.

Перед главными воротами им пришлось задержаться, пока охрана проверяла пропуски. Один из мелких торговцев, что всегда ошиваются там, увидев гражданский костюм Колфилда, попытался всучить ему пакет чайного листа, якобы привезенного с Ганимеда. Вполголоса, но с таким знанием тонкостей языка, что даже Хартман прислушался, заключенный объяснил торговцу, что он думает о его товаре. Он перешел к не менее изысканному объяснению, что следует сделать с этими листьями, но тут охранник велел машине проезжать.

На поле им дважды пришлось останавливаться на красный свет, ожидая, пока поднимется пассажирский катер, но в конце концов они добрались до своего катера, который должен был доставить их на «Декарт». Не прошло и трех часов с того момента, как они постучали в дверь Колфилда, а их корабль был уже в космосе.

Патрульный корабль «Декарт» был крупным судном, но при необходимости он мог совершить посадку непосредственно на планету и потому был снабжен большими стабилизаторами, а обтекаемые линии корпуса делали его похожим на грузовые межпланетные ракеты. Почти все свободное пространство внутри было занято баками с горючим для посадочных двигателей, а что оставалось, занимали реактор и электронное оборудование с богатым набором измерительных и следящих приборов, так что жилые помещения были тесными и не очень комфортабельными. Но Грегори гордился своим кораблем.

На мостике их ждал лейтенант Аллен. Он коротко и недружелюбно взглянул на Колфилда, кивнул Хартману и Нолану, затем доложил капитану, что на корабле, находящемся на двухтысячешестидесяти орбите, все нормально. Получено несколько сигналов, не представляющих интереса, за исключением сообщения, касающегося преступной халатности членов экипажа «Цербера», о чем сообщил пассажир корабля после его приземления.

– Не доверяю сообщениям пассажиров, – сказал Грегори раздраженно. – Даже в тех случаях, когда они искренне полагают, что заметили нечто неладное, их информация оказывается плодом недоразумения. Мы проверяли «Цербер», и я уверен, что это чистый корабль.

Раздражение Грегори отчасти объяснялось тем, что случай с «Цербером» вынуждал отложить допрос Колфилда. Дело о дрейфе «Подсолнечника» было настолько неотложным, что Грегори испытывал нетерпение. Хотя, может, и неплохо, если Колфилд помается в ожидании расследования.

– Хорошо, Аллен, – сказал он наконец. – Мы проверим сигнал. Вы свободны. Желаю приятного отпуска.

– Спасибо, сэр, – ответил Аллен и поспешил перейти на катер, который только что

доставил на борт Грегори.

Хартман занял кресло штурмана. Нолан устроился у пульта механика, Грегори уселся на свое место между ними и чуть сзади, откуда мог наблюдать за всем. Колфилду досталось одно из пассажирских кресел возле иллюминатора. Хартман заложил в компьютер параметры их орбиты относительно курса «Цербера» и скорректировал оптимальный курс. Он передал данные Нолану, который взглянул на капитана. Тот кивнул.

– Закрепите ремни, – произнес Нолан. – Двенадцать с половиной секунд при 2 "g".

Разворачивая корабль, взвыли гироскопы. За ними после короткой паузы, вжав людей в кресла, взревели и смолкли импульсные реактивные двигатели. Казалось, прошло куда больше двенадцати секунд. Теперь оставалось только ждать, когда «Цербер» появится на экранах, и подстроиться к его скорости. Это произойдет через двадцать семь минут.

Все это время Грегори делил свое внимание между пленником и светлыми точками других кораблей на экране. Несмотря на возросшее за последние годы число космических путешествий, свободных орбит вокруг Земли хватало на всех. Но находясь на орбите, всегда можно было видеть по крайней мере два-три других корабля.

На мостике нарастало напряжение. И, глядя на Колфилда, ощущая, как медленно тянутся минуты, Грегори не удивился неожиданному взрыву.

– Чего вы ждете! – закричал Колфилд. – Хотите задавать вопросы, так задавайте! Начинайте с самых легких: какова была точная позиция «Подсолнечника» в 16 часов 3 минуты двенадцатого августа одиннадцать лет назад? Не был ли я случайно голоден в тот момент, а может, я пил чай? А что случилось с грязной посудой?..

Лейтенант Нолан снова откашлялся, но продолжал глядеть на свой пульт. Колфилд замолчал.

Грегори сказал спокойно:

– В целом вы рассуждаете верно, Колфилд. Но за одиннадцать лет техника допроса шагнула довольно далеко вперед. Мы располагаем медикаментами, которые позволят вам точно вспомнить...

– Нет! – Колфилд был испуган.

– Согласно закону, я не могу употреблять эти средства без вашего согласия, – продолжал Грегори. – Но советую задуматься о последствиях, если вы откажетесь с нами сотрудничать. В конце концов, никакого вреда вашему мозгу эти средства не принесут.

– Нет!

– Будьте наконец реалистом! – резко сказал Грегори. – То, что вы женились на вдове капитана вскоре после его смерти, нам уже известно. И это может быть важно для следствия. Но мне нужны конкретные данные. Все остальное, что я узнаю во время сеанса, меня совершенно не интересует и к тому же не подлежит разглашению.

Колфилд принялся яростно доказывать, что в его личной жизни не было ничего способного заинтересовать следователя. И в потоке оправданий Грегори уловил некоторые детали, ранее ему неизвестные и позволявшие лучше понять личность Колфилда и побудительные мотивы его действий.

Когда Колфилд лежал в госпитале после случая с «Подсолнечником», вдова капитана часто его навещала, расспрашивая о своем муже. Очевидно, оба они нуждались в утешении и сочувствии, так что в конце концов сблизились. Но новая жена Колфилда уже потеряла одного мужа в космосе и потому взяла с Колфилда слово никогда более не покидать Землю. Ему пришлось несладко, но ради жены он твердо держался своего слова. До тех пор, пока...

– Сближаемся с «Цербером», – объявил Нолан. – Десять секунд перегрузки. Надеть ремни.

Когда торможение кончилось, за иллюминатором возник «Цербер». До него было менее

четверти мили. Колфилд застыл от изумления.

Резко освещенный солнцем и светом, отраженным от облачного слоя внизу, большой грузовой корабль выглядел весьма необычно. Три громадных шара «Цербера», соединенные коридорами, скрывались под слоем густой растительности. Корабль буквально зарос цветами, травой, кустарником, вьющимися растениями. Побег плюща обвивали антенны и перископы, яркие пятна цветочных клумб живописно оттеняли зелень холмов, камыши окружали иллюминаторы, будто гладь небольших прудов. Даже оставленные свободными участки чистого металла были раскрашены так, что это не нарушало общей картины. С точки зрения Грегори, сады «Цербера» были слишком стилизованны, что свидетельствовало о недостатке воображения, но, как и капитан корабля, чьи вкусы они отражали, они производили впечатление своей основательностью и некоторым консерватизмом.

– Вы этого уже не застали, – сказал Грегори Колфилду. – Может, вам приходилось видеть изображения подобных садов, но взглянуть на такой сад собственными глазами всегда интересно.

Грегори обернулся к Хартману и приказал:

– Сообщите, что мы переходим к ним на борт. Пока не вернемся, не покидай мостика. Нолан, надень скафандр. Ты идешь со мной. И вы, Колфилд.

Пленник казался неуверенным в себе, когда они покинули корабль, но Грегори за него не беспокоился. Ни один космонавт не забудет, как вести себя в невесомости. Все равно как нельзя разучиться плавать или ездить на велосипеде.

Высадившись на поверхности «Цербера», они, прежде чем войти в люк, решили посмотреть сад. Колфилд плелся сзади.

Грегори отвлекся от рассматривания искусственных растений и спросил:

– Вы знаете, почему на кораблях устраивают сады?

– Ничего удивительного, – голос Колфилда в шлемофоне звучал тихо и глухо. – Уже в мои дни клаустрофобия среди пассажиров и команд была серьезной проблемой. Особенно в дальних рейсах. На кораблях мало свободного места, и это всегда ведет к клаустрофобии и неврозам. Если вспышка невроза выйдет из-под контроля, это не менее опасно для корабля, чем взрыв реактора. В то же время вокруг корабля избыток простора, который не только способен излечить любую клаустрофобию, но и вызвать агорафобию, боязнь открытого пространства. Надо было отыскать среднее между двумя фобиями, – продолжал Колфилд. – И выход был найден в превращении внешней оболочки корабля в сад. С одной стороны, это интересное занятие для команды в долгом пути, с другой – возможность для человека, если уж ему стало не по себе в тесном внутреннем помещении, выйти наружу и убедить себя, что он сидит ночью в земном саду и любуется звездами. Разумеется, сходство условно, но оно дает облегчение подсознанию. Нетрудно обмануть человека, если он этого хочет, так что садовая терапия в большинстве случаев оказывалась эффективной.

– Вы правы, – Грегори постарался не показать удивления. Несмотря на искажения шлемофона, в голосе Колфилда звучали авторитарные нотки. «Странный механик», – подумал Грегори.

Приглядевшись, можно было понять, что участки травы в саду представляют собой тонкий слой умело раскрашенного пластика, который не мешал подошвам цепляться за намагниченную поверхность корабля. Пластиковыми были и цветы, и кусты, посаженные через каждые десять ярдов. На изнанке одного из пластиковых листьев Грегори увидел буквы – сквозь краску проступало название продовольственной фирмы.

Растения были надежно прикреплены к корпусу. Грегори даже подергал какой-то цветок, чтобы в этом убедиться.

– Помимо психологического эффекта, – сказал он Колфилду, – сад служит дополнительной защитой от метеоритов. В то же время при сооружении таких садов должны соблюдаться строгие правила. Недопустимо, чтобы метеорит мог вырвать клоч сада, создав опасность...

– Я знаю об этих правилах, – сказал Колфилд.

– Я в этом не сомневаюсь, – сухо ответил Грегори, – учитывая, сколько вы их нарушили.

Он поглядел на крутой холмик, спрятавшийся между кустами, которые скрывали радарные антенны, и добавил:

– Пошли внутрь.

Капитан Стиллсон, крупный, полный человек, выглядевший нелепо в шортах, обычной одежде в космосе, не скрывал беспокойства. Капитан «Цербера» бывал по-женски суетлив, но Грегори симпатизировал ему по той простой причине, что тот был аккуратистом. И чем больше будет таких капитанов, тем меньше забот для Грегори.

– Добрый день, капитан, – приветствовал его Грегори. – Как ваш сад растет?

– Медленно, – ответил капитан. – Теперь, когда мы установили новый преобразователь

отходов, меньше стало сырья для цветов. Хотите взглянуть?

– Потом, – ответил Грегори. – Сначала я хотел бы расследовать жалобу о преступной халатности...

Дружеская атмосфера на мостике мгновенно исчезла. Как будто кто-то впустил снаружи вакуум. После секундной растерянности Стиллсон потребовал подробностей и пожелал узнать, кто тот низкий лжец, который клеветает на его корабль.

Грегори ознакомил капитана с жалобой, и тот вызвал подозреваемых. Оба, радист и механик, были настороже, но опыт подсказал Грегори, что они не виноваты. Но он мог и ошибиться...

– Обвинение заключается в том, – сказал Грегори, – что два дня назад, находясь на поверхности корабля, одна из вас выкинул в пространство предмет или несколько предметов неизвестного назначения. Что вы можете сообщить по этому поводу?

Обоим космонавтам было что сообщить, и уже в начале допроса Грегори убедился, что они совершенно невиновны, но, несмотря на это, еще полчаса продолжал допрос. Он заставил их повторить свой рассказ несколько раз, придираясь к деталям. С одной стороны, он проводил этим наглядный урок для Нолана, с другой – хотел показать внимательно слушавшему Колфилду, что, когда придет его черед, врать будет бессмысленно. К тому же ему хотелось, чтобы у Колфилда не оставалось заблуждений относительно того, что законы против мусора в космосе остались такими же либеральными, как в давние дни. Так что Грегори заставил попотеть радиста и механика и наконец, будто с сожалением, позволил им убедить себя, что при ремонте антенны им было необходимо забрасывать к ее вершине, которая находится в ста ярдах над поверхностью, тросик с грузом на конце. Изнутри корабля могло показаться, что они выбрасывают что-то в пространство.

Отпустив космонавтов, Грегори отправился осматривать новый преобразователь отходов и мусоросборники. Занимаясь инспекцией, он подумал, что полицейскому кроме необходимости быть психологом, астрономом, кибернетиком и так далее полезно пройти курс самой элементарной сантехники.

Вернувшись на «Декарт», Грегори решил, что имеет право поспать. Он задал Хартману направление, показал Колфилду его каюту и только успел улечься на койку, как вспомогательные двигатели загудели, меняя орбиту корабля. Капитан никак не мог уговорить свое тело, что оно устало и хочет спать.

Грегори думал о бывшем механике Колфилде, который лежит в двух футах от него, отделенный лишь тонкой пластиковой переборкой. В глазах Грегори не было большой разницы в том, был ли сам Колфилд виноват в преступной халатности, или в этом был виноват экипаж корабля, или покойный капитан «Подсолнечника». Преступление, совершенное на «Подсолнечнике» одиннадцать лет назад, уже послужило причиной гибели одного корабля и восемнадцати человек, и этот счет жизням будет продолжаться в ближайшие годы, а может быть, и столетия. Масштабы жертв будущего будут зависеть от трех причин: от того, сколько знает Колфилд, сколько он сможет вспомнить и насколько эффективно он, капитан Грегори, сможет использовать информацию, полученную от Колфилда.

Ответственность, лежавшая на Грегори, была достаточно тяжелой, чтобы отогнать сон. К тому же Грегори сознавал, что, если хоть одна из этих трех причин окажется ему не под силу, он может погибнуть.

Полтора столетия назад, в пятидесятые годы двадцатого века, этой проблемы вообще не существовало. За исключением микрометеоритных потоков и редких метеоритов, космос был

чистым, пустым и относительно безопасным. Затем появились первые спутники, за ними космические лаборатории и наконец гигантские многоступенчатые корабли, которые перенесли человека к Луне и ближайшим планетам. Все корабли в те дни были реактивными, и потому проблема излишнего веса была самой насущной.

Ничто не сохранялось на кораблях ни секунды после того, как в этом проходила нужда. Резервные баки для горючего, контейнеры для пищи, органические и неорганические отходы, которые нельзя было использовать вновь, выбрасывались, чтобы облегчить корабль. Лишние полтонны горючего, особенно при вынужденной посадке, могли спасти корабль. Нехватка горючего для маневра вела к тому, что корабль становился зарывшимся в землю саркофагом для экипажа.

Так что все выбрасывалось. Быстро, автоматически, бездумно.

Мания избавляться от лишнего веса сохранилась и после того, как в этом пропала нужда. Появление атомных кораблей, которым не надо было приземляться и которые обслуживались баржами и катерами, перевозившими на орбиту грузы и пассажиров, придало проблеме лишнего веса только экономический характер. От этого теперь не зависела судьба корабля и экипажа. Но и экономические соображения перестали играть роль с разработкой новых типов реакторов и топлива. А обычай остался. В течение восьмидесяти с лишним лет, последовавших за первым полетом человека к Марсу, межпланетная торговля становилась все более рентабельной. Быстро растущие колонии на Марсе и Венере, научные базы на спутниках Юпитера и Сатурна вели все более интенсивный обмен с Землей. Постепенно число межпланетных кораблей превысило тысячу; и все эти корабли, и многие тысячи членов их экипажей во всех полетах непрерывно совершали поступки, которые теперь караются как самые тяжкие преступления!

Грегори повернулся на койке, которая при полуневесомости в корабле казалась мягкой, как облако, и беспомощно выругался. Ведь никто ничего им не говорил!

Задумайтесь о составе и методе выброса обычного помойного ведра. И представьте, что случится с мусором после того, как он попал в безвоздушное пространство...

Объедки, картофельная кожура, пластиковые консервные банки, тубы для питания в невесомости, спитой чай, кристаллы сахарного песка... Стюард или свободный от вахты космонавт вытащит контейнер с мусором к входному люку, натянет скафандр, выйдет наружу и несколько минут подождет. Эти минуты нужны для того, чтобы жидкость полностью испарилась из объедков и помойное ведро стало совершенно чистым. Ведь мыть посуду в космическом корабле, в невесомости, – пустая трата воды и усилий, куда экономичнее вакуумная чистка. Затем стюард просто высыплет мусор в пространство. Правда, ему придется поднатужиться, чтобы мусор отлетел подальше. Ведь в космосе предметы в свободном падении стремятся приблизиться к крупной массе. А если корабль облепят картофельные очистки, пассажиры будут недовольны. Не говоря уже о капитане корабля.

Выброшенные частицы мусора разлетятся веером. Через несколько секунд они уже будут в пятидесяти ярдах, через час займут несколько кубических миль пространства и даже спустя годы они будут разлетаться все дальше. Поскольку поток мусорных частиц будет иметь первоначальную скорость, равную скорости корабля, из которого они вылетели, то они будут двигаться много быстрее любого метеоритного потока в пределах Солнечной системы. Скорость их может быть достаточной для того, чтобы вылететь за пределы системы, но рано или поздно тяготение нашей звезды заставит их искривить орбиту и постепенно возвратиться к планетам. К тому времени искусственный поток метеоритов распространится вширь и сольется с другими подобными потоками – мусором, выброшенным с корабля накануне или на следующий день. Ведь их скорость и направление движения идентичны. Влияние гравитационных полей планет может заставить этот поток вращаться и конденсироваться, а может, наоборот, раскидать его в

разные стороны.

Может быть, через десятилетия этот поток окажется на пути других кораблей. Это будет сверхбыстрый, смертельный ультраразрушительный дождь метеоритов, занимающий тысячи миль пространства.

Космос беспределен, и частицы в подобном потоке так широко разлетаются, что корабль может пройти сквозь поток, не встретив ни единого метеорита. Но за последние полтора года в пространство выброшено столько мусора, что не всем кораблям так везет.

Когда-то люди смеялись над тем, что корабль может погибнуть, столкнувшись с чайнкой или замороженной картофельной кожурой. Но Грегори знал, что космонавты не смеются над такими шутками.

С этой мыслью Грегори уснул.

Через шесть часов Грегори проснулся, помылся, оделся и прошел на мостик, чтобы сменить Хартмана. Нолану оставалось еще четыре часа вахты, и он склонился над пультом связи, как всегда, успевая заниматься разными делами одновременно. Уму непостижимо, как лейтенант умудрялся вникать в базар голосов в шлемофоне, в то время как его руки настраивали приемник, а глаза не отрывались от технического справочника на коленях.

Грегори попросил Хартмана, чтобы тот поднял Колфилда и, прежде чем сам уляжется спать, приготовил всем чего-нибудь поесть.

Хартман кивнул и немедленно приступил к выполнению приказа, как и положено молодому лейтенанту.

Когда Колфилд вошел, вид у него был невыспавшийся, он явно нервничал и, как показалось Грегори, сопротивляемость его была низка. Нолан поглядел на него, и Грегори понял, что Нолан разрывается между желанием послушать допрос и продолжать чтение. В конце концов он захлопнул книгу, вытащил капсулу из одного уха и приготовился слушать радиоразговоры и допрос одновременно.

Грегори включил магнитофон и быстро сказал:

– Надеюсь, вы выспались. Сядьте сюда, пожалуйста. Расскажите мне о том событии. Только не ту версию, что вы излагали одиннадцать лет назад. А правду. И прошу вас, не тратьте усилий на ложь, – добавил он. – Мне известно достаточно, чтобы вас поймать.

Несколько секунд бывший механик собирался с мыслями. Затем вяло произнес:

– Это был метеор... Он был во всем виноват. Он был велик, но его скорость относительно нас была невысока, поэтому при столкновении он не испарился. Он пролетел рядом с пультом управления, разбил антенны связи, пронзил защитную стенку реактора и вылетел... После того как поврежденные отсеки были изолированы и пассажиры успокоились...

– Когда это случилось? Точно!

Колфилд потер глаза.

– Мы покинули земную орбиту восьмого июня в двенадцать ноль-ноль. Мы разогнались до полудня пятнадцатого июля. Затем реактор был выключен. Предполагалось, что мы будем в свободном полете двадцать пять дней, а затем начнем тормозить, чтобы перейти на орбиту вокруг Ганимеда. Метеор ударил нас рано утром на седьмой день свободного полета. А может быть, это случилось на девятый день...

– Придется быть точнее, – сухо сказал Грегори. – Но мы вернемся к этому вопросу позже. Рассказывайте, что произошло после столкновения.

Колфилд стал говорить о том, что произошло после столкновения. Чрезвычайно тяжелые реакторы, которые были на «Подсолнечнике», невозможно было поднять и поместить в корабль целиком, поэтому их защитную оболочку сделали разборной из сложным образом скрепленных свинцовых кирпичей. Метеор выбил часть этой оболочки, расшатав кирпичи настолько, что они стали ситом для радиации.

Экипаж постарался починить защиту с помощью манипуляторов, но возможности их были ограничены и до конца исправить положение не удалось.

К тому времени, как реактор был починен, они уже находились в свободном полете девятнадцать дней и только тогда окончательно убедились, что пролетят мимо Ганимеда. Даже если бы вместе с атомной тягой они использовали химические ракеты, все равно скорость погасить не удалось бы.

Их единственный шанс был облегчить корабль.

– И вы, разумеется, это сделали, – перебил его Грегори, – поскольку вам удалось достичь Ганимеда. Но что и когда вы выбросили? И что об этом думали пассажиры и команда?

– Пассажиры ничего не знали, а команда молчала, чтобы не подводить капитана, – ответил Колфилд. – Уже в то время законы против выброса мусора в пространство были жесткими и наказание тяжелым. Но еще оставалось немало космонавтов, которые не считали выброс преступлением, во всяком случае серьезным. Кроме того, все понимали, что капитан был движим в первую очередь заботой о безопасности пассажиров.

– Ах, как благородно звучит! – вмешался лейтенант Нолан. – А на самом деле – это просто спасение собственной шкуры.

Грегори показалось, что Колфилд сейчас бросится на Нолана, но тот сдержался и мрачно замолчал. Глядя на бывшего механика, Грегори подумал, что его реакция была слишком острой, словно его лично оскорбили. Видно, он был очень близок к капитану.

– Спокойно, Нолан, – сказал Грегори лейтенанту. Потом обернулся к Колфилду: – Продолжайте.

– Сначала мы выкинули все контейнеры с мусором, – продолжал Колфилд низким злым голосом. – Затем избавились от личных вещей. Мы хотели бы выкинуть и груз, но этого нельзя было бы скрыть ни от пассажиров, ни от портовых служащих. К тому же это в основном были точные приборы и масса их была незначительна. Наконец, мы истратили химическое горючее. Это замедлило несколько нашу скорость и на несколько тонн облегчило корабль... Столкновение с метеоритом, должно быть, повредило одни из клапанов в топливной системе, так как в тот момент, когда догорело топливо, в одной из труб раздался взрыв. Тогда меня и обожгло.

Теперь Колфилд продолжал уже более спокойно:

– Взрыв вновь расшатал защиту реактора и вырвал несколько кирпичей... В тот момент капитан был один в помещении реактора. Очевидно, он полагал, что ситуация достаточно серьезна, если тут же кинулся чинить эту проклятую защиту, к тому же практически голыми руками.

Колфилд помолчал, словно таким образом почтил память погибшего. Затем он продолжил:

– К тому времени, когда капитан кончил класть кирпичи на место, он был настолько «горячим», что никто из нас уже не мог приблизиться к нему. Он принял дозу радиации, которая была в несколько раз выше смертельной, и ему оставалось жить несколько часов. Он радировал нам, что его долг – облегчить корабль, выругался, а затем выбросился в пространство...

После того как Колфилд кончил рассказ, на мостике несколько минут царил тишина. Грегори думал о капитане «Подсолнечника». Быстрый на решения, отважный, практичный и виноватый капитан Уоррен попал одиннадцать лет назад в трудную ситуацию. Все говорило о том, что его корабль неминуемо должен врезаться в Юпитер, и даже не было связи, чтобы вызвать помощь. Впрочем, не известно, успела ли бы она. Весьма возможно, что суд принял бы во внимание обстоятельства и капитан отделался бы лишь потерей капитанской лицензии. Разумеется, это при условии полной откровенности и строгого учета массы и состава выброшенного мусора. Если бы он сделал это тайно и не смог бы представить суду нужных материалов, судьи бы его буквально распяли. И может, ему лучше было умереть на корабле.

«Но такого рода мысли никуда не ведут, – оборвал себя Грегори, – лучше вернуться к делу».

– Очевидно, вы не знаете, в каком направлении он выбросился? – спросил Грегори.

– Возможно, мне и говорили об этом, – ответил Колфилд. – Но я был так обожжен, что меня пришлось накачать наркотиками, так что я ничего не помню.

Бывший механик смотрел на Грегори так, будто хотел сказать, что человек,

осмеливающийся задать подобный вопрос, недостойн того, чтобы зваться человеком. «Может быть, – подумал Грегори, – может быть, он и прав».

В этот момент появился лейтенант Хартман с кофе и сэндвичами. Кофе был в тубах – в полуневесомости из чашки не напьешься. Хартман раздал сэндвичи, извинился и ушел спать.

– Совсем недавно вы сказали, – неожиданно произнес Грегори, – что столкновение с метеоритом произошло на седьмой или на девятый день свободного полета. Вам придется указать более точную дату. Чтобы этого добиться, мне придется погонять вас по всем этим дням, изолируя каждый из них по событиям, тогда происшедшим. Работа нам предстоит скучная, утомительная и долгая. Так что допивайте ваш кофе.

– Начнем с того, – продолжал он, запивая остаток сэндвича, – что вы можете вспомнить о первых трех днях свободного полета?

Еще через три часа глаза Колфилда налились кровью, выглядел он куда хуже, чем в тот момент, когда Хартман вытащил его из кровати. Не многим лучше чувствовал себя и Грегори. Узнав наконец с точностью до часа время столкновения «Подсолнечника» с метеором, он решил прервать допрос. К тому же ему удалось установить примерную массу выброшенного материала, хотя промежутки времени между выбросами остались неизвестными. Наконец, к собственному удивлению, Грегори получил точную информацию о курсе и скорости «Подсолнечника», и это непроизвольно расположило его к пленнику.

– Вы меня удивляете, Колфилд, – сказал он. – Некоторые из данных, что вы мне сообщили, настолько специфичны, что я скорее предположил бы, что вы были штурманом, а не механиком.

– Я всегда был любопытен, – ответил Колфилд, – всегда интересовался чужой работой.

– Конечно, это ваше дело, – сказал Грегори, – но нам с этим повезло. Ладно, если хотите немного отдохнуть...

Он оборвал фразу, потому что увидел, что Нолан вдруг насторожился и прижал ладони к ушам, чтобы лучше слышать голос в наушниках. Он настроился поточнее, а затем сообщил:

– Нас вызывает «Змей», сэр. Включить динамик... – Он бросил выразительный взгляд на пленника. – Или вы возьмете наушники?

– Динамик, – ответил Грегори. Он взял микрофон из руки Нолана: – «Декарт» слушает. Грегори у микрофона. Что случилось, капитан-лейтенант?

Голос капитан-лейтенанта Китли, капитана и единственного члена экипажа патрульного корабля «Змей», еле слышно прорывался сквозь сухой треск помех. Китли был не из тех, чье общество легко выносить подолгу, но, очевидно, всякий, кто может выдержать одновременно космос и собственную компанию на протяжении месяцев и не сойти с ума, имеет право на странности. Поэтому Грегори игнорировал отсутствие явно выраженного пиетета в голосе капитан-лейтенанта. Правда, он вел бы себя точно так же, даже если бы знал, что капитан-лейтенант старается в этот момент одновременно избежать метеоритного потока неизвестной плотности и размеров и не разминуться с ним.

– Пока мне удастся уцелеть, – сообщил Китли. – Но, для того чтобы не попасться, мне нужны дополнительные данные. У вас они есть?

– Кое-что, – ответил Грегори. Он думал об информации, только что полученной от Колфилда. Наконец он сказал: – Проверьте все имеющиеся у вас данные на бортовом компьютере, а мы прогоним их сквозь наш. Потом сверим результат. К тому времени, когда мы встретимся, все уже будет ясно. А пока сохраняйте минимально безопасное расстояние от потока и докладывайте через каждые двенадцать часов.

– Вас понял, – сказал Китли.

- Отлично. Связь окончена.
- До связи.

Вскоре Колфилд ушел к себе в каюту, а через полчаса, закончив вахту, за ним последовал Нолан. Грегори остался на мостике наедине с приемником и собственными мыслями. Правда, он предпочел бы заняться чем-нибудь еще, например проверить данные, полученные от Колфилда. Но в космосе в любой момент кто-нибудь может терпеть бедствие, так что строгие правила предписывают каждому кораблю постоянно слушать эфир, чтобы не пропустить просьбы о помощи. Формального способа добиться, чтобы этого правила придерживались все, не существовало, но большинство космонавтов были убеждены, что если оторвешься от связи даже на несколько минут, то кто-то другой тоже проспит твой призыв о помощи.

Космос живет по правилу: «Делай для других то, чего хочешь, чтобы другие делали для тебя».

«Проверка данных может подождать несколько часов, пока Хартман заступит на вахту», – сказал себе Грегори. К тому же эти данные даже без обработки позволяли представить время возникновения, скорость и орбиту потока с «Подсолнечника». А об этом он мог думать и прислушиваясь к шорохам в приемнике.

Созданный людьми метеоритный поток, появление которого он расследовал, должен был состоять из двух отдельных потоков, движущихся по одной орбите, но с различной скоростью. Это объяснялось тем, что часть материалов была сброшена до торможения, а часть после того, как скорость корабля была погашена. К счастью, скорость движения потоков была известна, хотя точное время сброса и масса материала оставались тайной. Но Грегори надеялся, что в ближайшее время сможет узнать у Колфилда больше.

Грегори предположил, что первая серия выбросов, происшедшая в то, время, когда корабль находился в свободном полете, представляет собой длинный расширяющийся коридор. Второй поток, движущийся медленнее, постепенно сближался с первым, пока тот не пронзил его, обгоняя. Оба потока прошли в непосредственной близости от Юпитера, что изменило направление их движения и, возможно, придало им момент вращения. Затем потоки продолжали удаляться от Солнца до тех пор, пока могучее притяжение Солнца не остановило их бег и не начало тянуть их обратно, что, по-видимому, произошло через пять лет.

Итак, потоки вернулись внутрь Солнечной системы, набирая скорость по мере приближения к нашему светилу. На пути поток встретился с пассажирским кораблем «Санта Изабелла» и превратил его в груды обломков. Лишь один человек на корабле остался в живых, да и то на несколько секунд, чтобы сообщить время и место катастрофы. Затем наступила очередь громадного корабля «Ленинград», который, к счастью, двигался в том же направлении, что и поток. Он отделался вмятинами на обшивке, позже на них были обнаружены следы пластика. Анализ пластика позволил в конце концов определить, какой корабль виноват в гибели «Санта Изабеллы».

Оба мусорных потока промчались вблизи Солнца и вновь направились прочь от него, постепенно сближаясь. К этому времени диаметр потоков достиг тысячи миль, если, конечно, потоки сохранили цилиндрическую форму и не стали вращаться. В случае вращения острый конец потока будет направлен по оси движения, а это представит еще большую опасность для навигации.

Задача Грегори заключалась в том, чтобы установить положение потока настолько точно, чтобы определить его на пятьдесят лет вперед и зафиксировать во всех метеоритных регистрах. Он знал, что компьютерам на «Декарте» и «Змее» такая задача по плечу, по при условии

достаточной информации. Без такой информации...

Грегори решил снова поговорить с Колфилдом, не согласится ли тот прибегнуть к средствам восстановления памяти. А пока он попытался, подражая лейтенанту Нолану, кое-что подсчитать в блокноте, не снимая наушников и проверяя различные частоты приемника. Ничего из этого не вышло.

На пятый день, после того как они поднялись с Земли, «Змей» доложил, что передняя часть потока регистрируется задним радаром в виде расплывчатого пятна. По расчетам Китли, его корабль движется с той же скоростью, что и поток. Теперь он просит разрешения поглядеть на поток вблизи.

– Нет, – твердо сказал Грегори. – Не приближайтесь к потоку, пока мы не узнаем о нем больше. Это приказ!

Он отключился и вернулся к прерванному допросу.

– Вы мне говорили, – сказал он, – что решение облегчить корабль было принято лишь на десятый день после столкновения. Вы по шестнадцать часов трудились, стараясь восстановить реактор. Но вам это не удалось. Затем команде было приказано выбрасывать лишний вес. Мы с вами уже установили объем контейнеров для отходов на «Подсолнечнике», но теперь мне необходимо знать, через какие интервалы вы выбрасывали контейнеры. Постарайтесь припомнить.

– По-моему, это случилось в 7.00 и в 8.00, – устало ответил Колфилд.

– Я бы хотел быть в этом уверен, – настаивал Грегори. – Вы убеждены, что больше не слышали, как открывается и закрывается наружный люк? Может быть, вы заметили, что члены команды проходили мимо вас, неся контейнеры? Где вы находились в это время?

– Как где? С пассажирами, у реактора, на капитанском мостике...

– На капитанском мостике?

– Да... когда капитан спускался к реактору. У него же была ученая степень, он занимался ядерной физикой, вы же знаете.

– Да-да, – сказал Грегори. – Но вы должны что-то вспомнить! Эти люки всегда издают шум.

– Конечно, я помню! – сказал вдруг Колфилд. – Когда я был на мостике, то заметил, как дважды вспыхнули индикаторы внешнего люка. Но я не могу припомнить точно, когда это случилось. Поймите же, черт возьми, прошло одиннадцать лет!

– Над пультом управления всегда есть хронометр. Если вы лишь краем глаза уловили мигание индикатора, не глядя специально в этот момент на хронометр, в глубине памяти этот инцидент должен быть зарегистрирован. И мне нужно это знать. Давайте начнем с того момента, как вы закончили дежурить у реактора и поднялись на мостик...

Прошли еще два долгих и утомительных часа. Неожиданно Колфилд вскрикнул:

– Вспомнил! Они разобрали одно из акселерационных кресел и извлекли плоский лист пластика с пружинами по углам. Это была идея стюарда. Получилось нечто вроде катапульты, затем они наполнили переходник мусором и отпустили лист. Пружины распрямились, и лист вытолкнул всю кучу наружу. Это оказалось куда проще и быстрее, чем высыпать в космос контейнеры. Так что они выбросили все, что хотели, за какие-нибудь два часа.

Грегори сжал губы и принялся писать в блокноте. Объем переходника на «Подсолнечнике» был известен. Нетрудно было найти и спецификации пружин, которые использовались в те годы. В такую информацию компьютер с наслаждением запустит зубы. И что еще важнее, если весь мусор был выброшен так быстро, значит, диаметр первого потока должен быть куда меньше, чем предполагалось вначале. Грегори почувствовал, что его охватывает возбуждение, к которому, как он признался себе, примешивалось и чувство облегчения. Но останавливаться было нельзя.

– На девятнадцатый день свободного полета, – сказал он, – и на десятый после столкновения вы решили избавиться от лишнего веса. Через день или два после этого произошел

взрыв в трубе химического двигателя, в результате чего вас обожгло, а капитан получил смертельную дозу радиации. Вы признались также, что выброс происходил и после взрыва. Из чего он состоял?

– Из сломанного радиооборудования и тех отходов, которые накопились за два дня. – Колфилд отвечал хриплым усталым голосом. – Но поймите же, я не могу рассказать об этом точнее. Я был обожжен и напичкан наркотиками.

Помолчав несколько секунд, Грегори произнес:

– Может, нам удастся заставить вас вспомнить и об этом. А пока идите, Колфилд, ложитесь спать.

Когда пленник ушел, капитан Грегори откинулся в кресле и закрыл глаза, наслаждаясь возможностью помолчать. Он размышлял о том, что Колфилд – странная птица. К примеру, чем объяснить его паническую боязнь средств оживления памяти? Он явно что-то скрывает. В то же время совсем не производит впечатления пугливого человека.

Может, по причине излишней для полицейского щепетильности Грегори не любил навязывать подследственным средства, вызывающие полное восстановление памяти, как и не любил излишне подчеркивать их безопасность. Ему было отлично известно, что трое из каждых двадцати, прошедших эту процедуру, теряли рассудок, хотя были подозрения, что эти люди и до того имели изъяны в психике. Грегори было куда легче, если подследственный сам вызывался подвергнуться такой процедуре.

Колфилд со своей стороны производил впечатление весьма образованного человека и, возможно, знал, что существует опасность сойти с ума. Но Грегори был почти убежден, что Колфилда останавливал не риск, а нечто связанное с его прежней жизнью.

Грегори не мог превозмочь нетерпение. Ему приходилось в жизни выслушивать признания, которые заставляли его не очень густые волосы вставать дыбом. Он не получал никакого удовольствия от этого, и моральные устои подследственных, если они не относились к делу, его не трогали. Но убедить Колфилда в этом он не мог. В то же время до тех пор, пока заключенный не согласится подвергнуться процедуре, Грегори не получит всех данных, касающихся инцидента на «Подсолнечнике», и не сможет проверить точность того, что узнал от бывшего механика. Поэтому они были вынуждены сознательно лезть в пекло буквально с завязанными глазами.

«Может быть, изменить тактику? – подумал он. – Хватит ломиться в дверь, попробуем окна». Приняв такое решение, Грегори за весь следующий день не задал Колфилду ни одного вопроса. Тем временем «Декарт» несся на встречу со «Змеем» и неопознанным метеоритным потоком. На второй день Грегори вошел в маленькую, шесть на шесть футов, каюту Колфилда.

– Вы лежите, лежите, я здесь сяду, – сказал он вежливо, откидывая прикрепленное к стене сиденье. – Мне хотелось бы обсудить с вами некоторые личные вопросы, и я подумал, что вам удобнее говорить о них без свидетелей.

Колфилд насторожился, но промолчал.

– Я уже говорил, что ваша личная жизнь меня не касается, – продолжал Грегори. – Но подобный разговор имеет определенную психотерапевтическую ценность. Приятнее расслабиться, говоря об обычных, каждодневных вещах вместо надоевших допросов.

Грегори помолчал, потом продолжал:

– О чем бы вы хотели поговорить? Может, о ваших студенческих днях? Или о первом корабле? Может, о вашей жене?.. – Грегори взглянул на фотографию, которую Колфилд прикрепил к стене. – Конечно, если вы откажетесь, мы снова перейдем к случаю на «Подсолнечнике».

– Вы все уже знаете о моей жене, – резко ответил Колфилд. – Она пришла в госпиталь

расспросить о капитане. Она жалела меня, потому что я сильно пострадал. Я сочувствовал ее горю. Так все и началось. Через несколько месяцев мы поженились и жили счастливо, пока она не умерла два года назад.

– Странно, – сказал Грегори. – Мы ведь проверили все, что так или иначе касается механика Джеймса Эндрю Колфилда. До катастрофы он не производил впечатления человека, способного осесть и вести тихую жизнь. Он был крайне непоседливой натурой. Хотя, может быть, ваша жена была тем человеком...

– Она была именно тем человеком, – перебил его Колфилд. – И я не намерен обсуждать с вами ее характер. И учтите, я не соглашусь на воспоминание...

Разочарованному Грегори ничего не оставалось, как вернуться к допросу.

Еще через четыре дня на экране радара возникла звездочка – патрульный корабль «Змей», а в двух тысячах миль за ним можно было различить туманное поблескивающее облачко – авангард метеоритного потока. На мостике «Декарта» царил мороз. Нолан и Хартман буквально источали холод. Колфилд делал вид, что не замечает открытой враждебности молодых офицеров. Капитан Грегори, недовольный собой за то, что не смог склонить Колфилда согласиться на сеанс воспоминаний, молча глядел в иллюминатор, наблюдая, как сближаются корабли.

В отличие от «Декарта» «Змей» не был предназначен для посадок на планеты и потому был облачен в сад. Но мир, в который Китли время от времени удалялся, чтобы отдохнуть от невероятной тесноты маленького корабля, ничем не напоминал сад «Цербера». Там не было цветов, кустов и травянистых пригорков, пейзаж ничем не напоминал земной. Из корпуса «Змея» вырастали фантастические формы, разрисованные столь талантливо и точно, что составляли с окружающим космосом одно целое. Сад Китли был по-своему прекрасен холодной, жесткой красотой одиночества. Он заставлял представлять себе ледяные вершины избитого ветрами горного хребта под звездным небом.

Да, этот сад был прекрасен, но и страшен. Он наглядно свидетельствовал о том, что капитан «Змея» слился с космосом. Но для большинства посетителей достаточно было одного взгляда на эти космические урочища, чтобы никогда больше их не видеть.

Грегори все еще разглядывал сад, когда Китли вышел в открытое пространство и перешел на «Декарт». Вскоре он был уже на мостике. Они принялись составлять карту потока, пользуясь компьютером «Декарта». Грегори был так увлечен работой, что совершенно забыл о Колфилде. Остальные офицеры делали вид, будто не замечают его. Вдруг вопрос Китли заставил Грегори вспомнить о пленнике.

– Данные, сообщенные подследственным, – сказал Китли, – не только неполны, но и в ряде отношений весьма неточны. – Не могло ли так случиться, что он сообщил их, чтобы избавиться от утомительных допросов? Мог ли он их попросту придумать?

На неподвижном лице Колфилда ничего не отразилось, хотя в глазах сверкнул гнев.

– Не хватало еще обвинять меня в трусости, – сказал он и поднялся. Не спросив разрешения и не попрощавшись, он покинул мостик. Грегори сделал вид, что не заметил его ухода.

Через пятнадцать минут началась настоящая работа.

Грегори развернул корабль и соразмерил его скорость со скоростью потока таким образом, чтобы поток постепенно обгонял его. «Змей» двинулся в том же направлении, но держался на периферии потока, тогда как большой корабль постепенно смещался к его центру. На переднем

радаре поток выглядел роем разлетающихся искр. Постепенно они приближались, превращаясь в расплывчатые пятна, разбросанные так широко, что казались безопасными. Это объяснялось тем, что «Декарт» вторгался в поток со скоростью улитки. Относительно частиц потока его скорость измерялась в сотнях миль в час. Если бы с потоком встретился обыкновенный корабль, то его скорость относительно скорости потока исчислялась бы тысячами миль в секунду. Сгустки света медленно расползались к краям экрана и переключивались на боковые экраны. Их опасность, их смертельный потенциал можно было осознать, наблюдая за цифрами, мелькающими на табло компьютера, который определял их число и плотность на каждые сто кубомиль.

Неопытный глаз ничего странного не уловил бы. Ему показалось бы, что корабль висит в центре устрашающего в своей великолепии космоса.

Еще один экран компьютера строил пространственную модель потока. Поток представлял собой неправильной формы веретенообразное облако. Небольшое скопление материала выдавалось из основной массы. Грегори направил «Змея» к этому выступу, а затем переключил свое внимание на пространственную модель.

Справа от него Хартман наклонился вперед, натянув ремни и держа палец над кнопкой экстренного ускорения. Его взгляд метался между экранами и записывающими устройствами, и Грегори вдруг испугался, не вывихнет ли лейтенант глаза. Капитан едва не рассмеялся, но вовремя осекся. Положение, в котором они находились, было достаточно серьезным.

Конечно, он чувствовал бы себя куда спокойней, если бы данные Колфилда были проверены воспоминанием. Без сомнения, бывший механик что-то скрывал и понимал, что при сеансе ничто спрятанное в его мозгу не останется тайным. И Грегори оставалось только планировать всю операцию на основе сомнительных показаний Колфилда.

Грегори видел, что Колфилд старался быть полезным и многое из того, что он сказал, подтверждалось с большой долей точности. Но допустим, что вся эта точность была направлена на то, чтобы скрыть главное: что случилось на «Подсолнечнике» на самом деле? Колфилд признался, что на корабле он был не только механиком, но и совал нос во все дела и был в курсе всего, что происходило на борту. Так что же там произошло? Что было настолько тайным, чтобы грозить Колфилду худшими бедами, чем те, которые он уже на себя навлек?

На экране модель потока выглядела роем пчел. Туманные края скрывали центр роя. Фигуры Нолана и Хартмана казались каменными изваяниями с непрерывно двигающимися глазами.

А ведь вполне может быть, раздраженно думал Грегори, что секрет Колфилда связан всего-навсего с его личными делами. Ведь и поведение его после катастрофы коренным образом изменилось. Взять, к примеру, его решение остаться на Земле в угоду жене, – никак это не сходилось с характером Колфилда. Значит, в душе его должен был произойти резкий перелом...

Раздался металлический удар, который показался громким только потому, что Грегори ждал его. Грегори вздрогнул и тут же облегченно вздохнул. Нолан и Хартман расслабились. Данные Колфилда, во всяком случае в той их части, которая касалась состава потока, оказались точными.

Метеорит, который ударился о корпус «Декарта», был заледеневшей, обезвоженной хлебной коркой, а может, картофельной шелухой, и столкновение произошло при относительной скорости предмета вдвое меньшей, чем у ружейной пули. Это означало, что они продвигаются в потоке достаточно медленно, чтобы уцелеть, и достаточно быстро, чтобы нанести поток на подробную карту за несколько дней. Теперь им оставалось лишь проложить курс «Декарта» таким образом, чтобы он в своих эволюциях смог прочесать все облако метеоритов, чтобы радары и вычислительные устройства смогли зарегистрировать все до единой частицы в потоке, определить его массу, состав, тенденции к развитию и курс на ближайшие пятьдесят лет.

На некоторое время Грегори забыл о своих подозрениях по поводу точности данных Колфилда. Но к концу первого дня они начали возвращаться. На третий день он был настолько встревожен, что решил вызвать «Змея». Ум Китли был отточен и быстр настолько, что мог поспорить с любым компьютером, к тому же Китли был наделен непредсказуемой интуицией гения, не доступной ни одному электронному устройству. И хотя Грегори был командиром Китли, он никогда не позволял самолюбию влиять на свои решения.

– Меня тоже беспокоят размер и плотность этой части потока, – сказал Китли, когда Грегори изложил ему свои сомнения. – Но я не спешил делать выводы. Хотя убежден, что поток гораздо больше, чем должен быть.

– Есть ли у вас мысль, почему это могло произойти?

После краткого, но сосредоточенного раздумья Китли быстро заговорил:

– Поток «Подсолнечника» состоит из двух частей. Первая часть – это материалы, сброшенные до взрыва трубы. Состав этого потока, по уверению Колфилда, ему хорошо известен. Вторая часть была сброшена, когда он находился в госпитале, потому что обгорел. Об этом потоке он много сказать не мог, кроме того, что поток уступал первому по массе и состоял из остатков мусора, обломков радиоаппаратуры и некоторых легких приборов.

– Вы решили начать со второго меньшего потока, – продолжал Китли, – что мы и кончаем делать, а затем прибавить скорость и ждать, пока нас догонит быстрый поток с таким расчетом, чтобы его скорость ненамного превышала бы скорость наших кораблей и не представляла бы для них опасности.

– Вы правы, – сказал Грегори. – Он не торопил Китли, потому что понимал, что тот должен постепенно подойти к самому главному.

– Я полагаю, – продолжал Китли, – что Колфилд был не так плох и невменяем, чтобы не знать в действительности, из чего состоял второй поток. Я убежден, что мы сейчас завершаем измерения не второго медленного, а первого большого потока.

– Я думал о том же, – признался Грегори, – но очень надеялся, что вы меня переубедите.

Китли замолчал. Капитан и без него мог сделать нужные выводы. Если они будут разгоняться, чтобы оторваться от потока, принятого ими за малый и медленный, то, вместо того чтобы уйти от него и ждать, пока их догонит первый поток, они будут догонять медленную часть выброса и влетят в него на скорости, куда выше допустимой.

– Я предполагал, что это медленный поток, – произнес Грегори, холодно глядя на бывшего механика. Колфилд, который присутствовал при разговоре, отвел глаза. – А может быть, – продолжал Грегори, – это не я предположил, а вы изложили события так, что я был вынужден это предположить. Что же вы молчите, Колфилд?

Бывший механик был испуган. Испуган смертельно. Грегори в этом не сомневался. Его блестящее неподвижное лицо покрылось капельками пота, а костяшки пальцев, сжимавших ручки кресла, побелели. Стараясь не смотреть на экраны радаров, он отрицательно покачал головой.

– Мне бы следовало догадаться, – сказал Грегори, – что данные, которыми вы нас снабдили, были слишком точны, чтобы их можно было вспомнить через одиннадцать лет. Все эти годы вы повторяли эту версию про себя, твердили наизусть. Ложную версию, которая была нужна вам в ваших целях. Так что же это за цель?..

– Подытоживая сказанное, – услышали они голос Китли, – мы можем говорить о двух выходах. Либо с ускорением двигаться вперед, либо тормозить. В любом случае мы можем опасно ошибиться. Но в нашем распоряжении, если верить данным Колфилда, остается десять часов.

– А если прав я, – произнес Грегори, не в силах побороть гнев, вызванный страхом механика, – то у нас не осталось ни минуты.

Прошло не более трех секунд, как Нолан приглушенно воскликнул:

– Смотрите на экран!

На экране происходили странные изменения. Поток, который они кончили регистрировать, оставался туманным, слабым пятном, но на экране разгоралось новое созвездие – каждая звездочка в нем представляла собой тело массой во много фунтов и все эти звездочки, сбившись в тесный рой, с угрожающей быстротой неслись к «Декарту».

– Экстренное торможение! – закричал Грегори и тут же отдал другой приказ: – Сначала надеть скафандры! Мы не успеем уйти!

– Ты нас провел! – Хартман обернулся к Колфилду с такой яростью, словно готов был его убить. Но механик лишь растерянно тряс головой.

– Нет... – повторял он. – То есть да... но я не знал об этом! Я бы никогда не посмел скрыть!

– Всем замолчать! – рявкнул Грегори. И тут же обернулся к микрофону: – Китли, отводите свою скорлупу! Не прерывайте связи, включите записывающие устройства. Действуйте. Нолан, девяносто градусов вправо и тормозите, как только возможно!

Нолан тормозил главным двигателем, но времени на торможение не оставалось. Резко возросли нагрузки. В таких условиях нелегко было натягивать скафандры. И в течение пяти бесконечных минут, которые потребовались, чтобы надеть и загерметизировать скафандры, Грегори не спускал глаз с экранов. Созвездие ярких точек неумолимо сближалось с «Декартом». Тому, кто не знал, что экран охватывает пространство в десять тысяч квадратных миль, могло показаться, что это происходит не так и быстро.

– Привязать ремни! – приказал Грегори, убедившись, что все надели скафандры. – Нолан, включи посадочные двигатели. Четыре "g" в течение пяти минут!

Посадочные двигатели взревели, и ремни врезались в тело. Грегори старался не потерять сознания, но у него потемнело в глазах.

Наконец эти бесконечные пять минут миновали. Когда Грегори смог толком разглядеть, что показывают радары, он хрипло крикнул, превозмогая головную боль:

– Мало! Повторите маневр!

После второго торможения он приходил в себя дольше. На экране созвездие стало куда ярче и сместилось к центру. Это значило, что поток находится всего в нескольких сотнях миль по курсу. Грегори успел заметить, что из носа Нолана идет кровь, а искусственное лицо Колфилда превратилось в багровую маску. Грегори попытался откашляться.

– Выключить посадочные двигатели, – сказал он. – Продуть систему питания химических двигателей. Продолжать торможение главным реактором!

Скорость «Декарта» падала, но поток все равно приближался слишком быстро. В таких обстоятельствах дальнейшее использование химических двигателей было слишком опасно. Хоть они и замедляли движение корабля эффективнее, чем реактор, при столкновении с метеоритом возникала вероятность повреждения линии питания или самих двигателей. И стоило только раскаленному при контакте метеориту соприкоснуться с топливом, как «Декарт» немедленно сам превратится в миниатюрную звезду.

Сверкающий шар – Грегори еще не приходилось видеть ничего подобного – занял весь центр экрана. Грегори поймал себя на том, что перестал дышать. Челюсть болела – с такой силой он сжал зубы. Грегори вдруг подумал, что учебные тревоги были недостаточно убедительными. Да, линии питания продуты, в двигателях нет топлива, но удар метеорита может достичь топливного резервуара...

Первый удар корабль принял в лоб. Метеорит пробил обшивку почти параллельно оси корабля и пронзил угол капитанского мостика. Грегори увидел, как на месте верхнего радарного экрана возникла черная дыра. Некоторые огни погасли, некоторые загорелись тревожным красным светом. Машинально Грегори подсчитал, что метеор соответствовал по весу, скорости и разрушительной силе трехфунтовому бронебойному снаряду. Так что можно считать, им еще повезло.

Он почувствовал, как вздохнул его скафандр, когда остатки воздуха вылетели в космос. Грегори нажал на кнопку внутренней связи и сказал:

– Нолан, проверь реактор...

– Реактор действует нормально. Торможение продолжается, – ответил Нолан дрогнувшим голосом. – Вроде бы цел...

Следующий удар последовал в ту же секунду. На этот раз они ничего не увидели, только корабль вздрогнул и начал вращаться вокруг своей оси. Грегори не успел приказать проверить, куда попал метеорит, как последовал третий удар.

Мгновенно оценив силу удара, Грегори пришел к выводу, что торможение приносит свои плоды – скорость «Декарта» относительно потока уменьшилась. Будь поток из мелочей, о которых говорил Колфилд, корпус корабля бы выстоял. Грегори никак не мог понять, что за снаряды составляли этот поток.

Пол взорвался под ним и ударил по пяткам так, что тело конвульсивно сжалось. Акселерационное кресло Колфилда подскочило, сорванное с креплений, и рухнуло на капитана. Грегори успел инстинктивно поднять руки, чтобы защитить визор. Раздался еще один беззвучный удар, и свет погас.

Зловещий зеленоватый свет радарного экрана – единственного светящегося пятна на мостике – освещал происходивший кошмар. Округлые, мягкие тени фигур в скафандрах медленно двигались на фоне острых искореженных клочьев обшивки и поломанной геометрии разбитого оборудования. Казалось, ничего нельзя различить в этом аду, но Грегори увидел многое. И ощутил звериный, неконтролируемый ужас. Он хотел дотянуться до выключателя

аварийного освещения, но Колфилд навалился ему на грудь. И Грегори уже не знал, чего больше он хочет, включить ли свет или не видеть мостик при свете.

– Проверить реактор! – прохрипел он.

Плевать ему сейчас было на реактор – он хотел одного: услышать человеческий голос, понять, что он не один.

– Ход замедлился, сэр, – донесся до него голос Нолана. В голосе звучало облегчение. Он тоже понял, что не один на борту. – Я не знаю, что происходит, почти все приборы вышли из строя. Может, выключить реактор?

– Нет, – Грегори старался придать голосу твердость. – Мы не можем этого сделать, пока скорость не сравняется со скоростью потока. Ты можешь поглядеть в иллюминатор: эти бомбы идут так густо, что их можно различить невооруженным глазом. – Грегори перевел дух. Потом спросил: – Хартман, ты как?

– Я ничего не вижу, – ответил Хартман.

– Я тоже... Колфилд!

– Да?

«Никогда еще, – подумал изумленно Грегори, – никому из четверых людей так сказочно не везло». Вслух он произнес:

– Колфилд, слезьте с меня.

Пока механик выбирался из обломков кресла, еще один метеорит ударил по кораблю. Но удар был куда слабее, чем предыдущие, и Грегори понял, что метеорит не смог пробить корпус «Декарта». Затем через несколько секунд после того, как Грегори включил аварийное освещение, наступила невесомость. Торможение закончилось. На какое-то время они были в безопасности.

– Нолан, спустись к реактору и проверь его защиту, – быстро приказал Грегори. – Нацепи радиационную карту и возьми счетчик. Хартман, проверь степень повреждений. Двигайся, Нолан!

Но лейтенант не шелохнулся. Он вздрогнул, когда Грегори поднял голову, и дрожащей рукой указал на иллюминатор.

– Там человек... в скафандре! – произнес он. – В пятидесяти ярдах. Это... это, должно быть, капитан Уоррен!

– Забудь о нем! – сказал Хартман. – Он ничего нам не сделает. Он уже сделал все, что мог.

– Нет, – быстро возразил Грегори. – Нолан, проверь реактор. Хартман, выпусти магнитный захват и притяни тело к кораблю. Быстро!

Состояние «Декарта» было критическим, и в этой обстановке заниматься ловлей трупа одиннадцатилетней давности показалось лейтенантам бессмысленным. И они не скрывали своего удивления. Но они не видели лица Колфилда в тот момент, когда тело возникло за иллюминатором. Выражение глаз бывшего механика было настолько красноречивым, что Грегори вдруг понял: как только тело капитана «Подсолнечника» окажется на борту, тайна Колфилда будет раскрыта.

Нолан рапортовал дважды за последующие минуты. Колодец, ведущий к реактору, был завален обломками, и ему приходилось расчищать завал руками. Он сообщил, что в одном из резервуаров с химическим топливом есть пробоина. Появляющиеся из нее фосфоресцирующие шары выглядят очень красиво. К тому же постепенно повышается уровень радиации...

– Скорей пробирайся к реактору, – крикнул ему Грегори. – Не задерживайся, не время любоваться пейзажем!

Он был несправедлив к лейтенанту и понимал это. Но не исключалась возможность того, что начинка реактора в любой момент превратится в атомную бомбу. Извиниться перед лейтенантом он всегда успеет, если они доживут до этого момента.

– Я солгал вам! – неожиданно сказал Колфилд. Слова рвались из него быстро, голос стал высоким, я казалось, что он записан на слишком быстро вертящуюся пластинку. – Но какая разница! Я только хотел, чтобы вы прошли сквозь поток, не обнаружив его! Я не думал, что так может случиться! Клянусь, не знаю, что это такое!

– Заткнись! – оборвал его Грегори. Он готов был разорвать Колфилда за увечья корабля. Ничего себе – какая разница!

Но прежде чем он успел еще что-нибудь сказать, на мостике появился Хартман, который буксировал за собой тело в скафандре. В другой руке у него был какой-то серый предмет, который он подтолкнул к Грегори.

– Я нашел это внизу, – сказал Хартман. – Это, наверное, один из последних. У него хватило силы пробить корпус, но улететь дальше он уже не смог. Теперь многое становится ясным.

Серый предмет оказался свинцовым кирпичом, какие используются на космических кораблях для защиты реактора.

Грегори вдруг вспомнил, что Колфилд говорил ему, как «Подсолнечник» добрался до Ганимеда с запасом горючего. Это означало, что они даже слишком облегчили корабль. Глядя на тело, повисшее в вакууме посреди мостика, Грегори мысленно произнес: «Идиот! Отважный, благородный, преступный идиот!»

Так вот он, человек, который подверг себя смертельной дозе радиации, а затем, чтобы облегчить корабль, избавил его от собственного умирающего тела. Но и это показалось ему недостаточным. После того как он исправил реактор и уменьшил его оперативный объем, капитан восстановил защиту, а те свинцовые кирпичи, которые остались неиспользованными, он также выбросил в космос. «Возможно, ремонтной бригаде, – гневно подумал Грегори, – кто-то хорошо заплатил, чтобы они молчали о состоянии реактора „Подсолнечника“...»

– Я не подозревал, что он выкинул и кирпичи... – начал Колфилд, но осекся, увидев, что Грегори начал отвинчивать шлем с тела капитана.

Грегори действовал почти автоматически. Высохшее черное лицо мумии, открывшееся взгляду, его не испугало. Ему уже приходилось видеть подобные лица. Но хоть и не было сомнений, чье тело они обнаружили, порядок требовал проверки его личного диска. Он достал диск и тут услышал голос Хартмана:

– Что с вами, Колфилд, – спрашивал лейтенант, – привидение, что ли, увидели?

И, глядя на лежащий на ладони личный диск, Грегори подумал: «Да, Хартман, ты прав. Он увидел привидение. Потому что, если верить диску, тело принадлежало Джеймсу Эндрю Колфилду!»

– Капитан! – прервал его мысли настойчивый голос Нолана. – Мы в беде. Перегревается реактор. Выбиты большие секции защиты, и счетчик Гейгера сошел с ума. Нам осталось

полчаса, не больше, потом...

– Говори точнее, – остановил его Грегори. – Доложи состояние реактора.

Загадка Колфилда перестала быть тайной. Но об этом некогда было размышлять. Пока Нолан докладывал о положении в реакторе, Грегори поймал себя на мысли, что предпочел бы, чтобы один из свинцовых кирпичей с «Подсолнечника» пронзил не только реактор, но и его самого. И он сейчас был бы уже там, куда улетают души всех хороших космических капитанов, вместо того чтобы притворяться, что он умеет быстро думать, обязательно найдет выход из безвыходного положения и вообще относится к той породе людей, которые борются до последней секунды.

Положение было безнадежным.

– Я пошлю вниз Хартмана, чтобы он тебе помог, – сказал Грегори просто для того, чтобы оттянуть момент решения. Но Нолан не дал ему такой возможности.

– Нет, – сказал он.

Оказалось, что ход к реактору был настолько завален обломками, что там мог находиться лишь один человек. Двоим там негде было повернуться. К тому же все осложнялось очень высоким уровнем радиации и тем, что манипуляторы были выведены из строя. Ничего иного не оставалось, как, несмотря на всю опасность, приблизиться к самому реактору.

– Я даю тебе десять минут, – сказал Грегори. – Другого выхода нет. Через десять минут тебя сменят. Если мы трое будем сменять друг друга...

– Четверо, – внезапно сказал пленник.

– Хорошо, четверо. – Согласился он и добавил: – Мне не нужны чудеса героизма. Каждый не расстается с радиационной картой и, как только она посинеет, немедленно уходит. Всем ясно?

Хартман кивнул. Пленник сказал:

– Можно мне пройти в каюту? У меня там талисман.

– Идите, – нетерпеливо ответил Грегори. Пленник не производил впечатления суеверного человека, но сейчас некогда было об этом думать.

Пройти к реактору можно было длинным колодцем диаметром в два фута. Скобы металлической лестницы едва выступали из стены, чтобы можно было надежно ухватиться за них. Грегори понимал, что один из метеоритов пронзил наискось нижнюю часть колодца. Но протиснуться вниз все же было возможно, доказательством чему были ноги Нолана, которые Грегори видел за завалом. Он приказал лейтенанту выбираться наружу и сам полез, чтобы занять его место.

Нолан смог установить зеркала и починить один из манипуляторов. Грегори видел, в чем дело, но с их возможностями исправить положение было невыполнимо.

Реактор получил два попадания. Один из ударов пришелся по касательной и лишь сорвал часть обшивки, разбросав свинцовые кирпичи. Штук пятьдесят из них медленно плавали по помещению. Второй удар пришелся прямо в реактор. Грегори отыскал только входное отверстие. Так что метеорит должен был остаться внутри. Наибольшую опасность представляли несколько кирпичей, которые застряли внутри реактора. Графитовые стержни заклинились и не входили внутрь, поэтому реактор постепенно разогревался, превращаясь в атомную бомбу.

Стараясь не спешить, Грегори проверил все четыре манипулятора. Надежды на них не было. Глядя в зеркала, чтобы разобраться в состоянии дел в активной зоне реактора, Грегори попытался захватить верхний кирпич, зажатый между концом стержня и стенкой. Но металлические захваты снова и снова соскальзывали с кирпича.

И вдруг кирпич двинулся.

Грегори заставил себя замереть и сосчитал до десяти, стараясь расслабить мышцы рук.

Затем он вновь подвел захваты к кирпичу, пытаясь вытащить его наружу. Он крепко взялся за рукоятки манипулятора и осторожно повел их.

Кирпич вылетел наверх. Еще два кирпича, которые были им заклинены, также всплыли над реактором. Остальные кирпичи были заклинены прочно. Но все же это означало какой-то сдвиг.

– Попробуй шестой, – сказал он Нолану.

Освободившийся стержень медленно двинулся вниз. Это отсрочит взрыв минут на десять-пятнадцать. Но остаются заклиненными еще девять стержней.

– Ваше время истекло, сэр, – напомнил Нолан. И добавил: – Колфилд готов сменить вас.

Грегори бросил последний взгляд на зеркала. Если бы можно было растащить кирпичи руками, вместо того чтобы возиться со сломанным манипулятором, он освободил бы стержни и починил бы защиту за полчаса. Но излучение через отверстия в обшивке было так велико, что задерживаться здесь нельзя было даже на лишние две минуты.

Если он сам пойдет на такой риск, то и его подчиненные последуют примеру командира, а всякий в космосе знает, к чему это может привести. Не раз случалось, что космонавты спасали свои корабли и умирали потом на пути домой от облучения – ослепнув, с выпавшими волосами и струящейся сквозь поры кровью... Грегори предпочел бы умереть сразу, в атомном взрыве.

– Возможно, вы считаете, что в ответе за все произошедшее, – сказал Грегори сурово, разминувшись с пленником в проходе. – Да, вы за все в ответе. Но если у вас возникнут идиотские мысли в течение следующих десяти минут, приказываю забыть о них. Вы меня слышите?

– Я понял, – ответил пленник. – Наконец-то вы осознали мою действительную ценность и не намерены терять такую добычу.

Грегори хотел сказать ему, что дело совсем не в этом, что у него другие, отнюдь не корыстные желания, чтобы его собеседник остался жив. Но некогда было пререкаться, тем более что всякий спор мог бы сбить с толку Хартмана и Нолана и отвлечь их от работы. Его помощники еще не знали, что личный диск, найденный на трупе, принадлежит Джеймсу Эндрю Колфилду и что человек, которого они считают Колфилдом, на самом деле кто-то другой. Грегори полагал, что он знает истинное имя Колфилда, но сейчас не время было заниматься дедукцией подобно Шерлоку Холмсу. Так что пока суд да дело, пленник останется Колфилдом и может думать о мотивах, двигавших капитаном Грегори, что ему вздумается.

Грегори сердито оттолкнулся и поплыл к мостику, минуя Хартмана, который распутывал пучок проводов. Дела у Хартмана шли неплохо – Нолан склонился над пультом управления, на котором уже весело перемигивались огоньки. Он хотел было похвалить лейтенанта, но тут услышал голос Колфилда:

– Попробуйте девятый и восьмой.

Перчатки Нолана послушно потянулись к пульту, и два красных огонька сменили цвет на зеленый.

– Молодец! – вырвалось у Нолана. Затем обернулся к капитану: – Это даст нам еще двадцать минут. Теперь мы, может быть, успеем.

– Колфилд! – закричал Грегори. – Я же приказывал вам не входить в активную зону!

– А я и не входил, – ответил пленник. – Мне просто повезло. Наверное, вы с Ноланом растревожили некоторые кирпичи. Моя карта все еще красная.

– Я вам не верю, – сказал Грегори. – Хартман, спустись вниз и проверь. Колфилд, встретите Хартмана у входа в колодец.

Он услышал, как пленник выругался про себя, затем до него донеслось тяжелое дыхание Хартмана, который пролезал колодцем. Меньше чем через минуту лейтенант доложил:

– Красная, как он и говорил, сэр. Он в порядке.

– Продолжайте, – сказал Грегори.

Его взгляд упал на экран радара и на кучное облачко посреди него. Рядом с облачком сверкала яркая точка, которая могла быть только кораблем Китли или в худшем случае обломками его корабля.

До этой минуты ему просто некогда было подумать о Китли. Он спросил Нолана, пытался ли тот связаться со «Змеем», и в ответ узнал, что передатчик «Декарта» превратился в кучу металлолома. Грегори спросил, как дела с приемником. Нолан смущенно признался, что о приемнике не вспомнил.

– Попробуй, – сказал Грегори. – Может, он нас вызывает.

Через несколько секунд они услышали в шлемофонах голос Китли.

– Если кто-нибудь жив, отзовитесь. Если у вас есть прием, но нет передачи, дайте световой сигнал, я наблюдаю за вами в телескоп. «Змей» вызывает «Декарт»! Если кто-нибудь...

Неожиданно Грегори улыбнулся.

– Делай, как тебе велят, – сказал он Нолану.

– ...Если у вас есть прием, но нет передачи... – продолжал Китли, – дайте световой сигнал... Ой, я глазам не верю! Я рад, что кто-то жив, – тут же продолжал он. В голосе Китли звучало облегчение. – Повреждения моего корабля невелики. Полетело несколько систем контроля... часа через четыре я буду в состоянии сблизиться с вами. Приходится быть осторожным, тут вокруг летают бомбы...

– Нолан! – быстро сказал Грегори. – Займись приемником. Постарайся приспособить его для передачи. Сигнал будет слабым, но Китли его услышит. Передай ему, что наш реактор может в любую минуту взлететь на воздух. Вели ему не приближаться к нам!

– Попробуйте третий, – раздался голос пленника.

Нолан нажал на кнопку, и еще один зеленый огонек загорелся на пульте.

– Но такими темпами мы не исправим реактор. Почему «Змею» не приблизиться? – сказал он.

– Мы отсрочили взрыв на полчаса, – резко ответил Грегори. – Это пока все, чем мы можем

похвастать. Делай, как тебе приказали.

Когда внутренние переговоры прервались, снова стал слышен голос Китли:

– Я опознал эти метеориты как свинцовые кирпичи из защиты реактора ка «Подсолнечнике». Понимаете, что это означает? Вторая часть потока концентрируется вокруг массы кирпичей, и гравитация этой массы превосходит центробежные силы. Эта часть потока конденсируется. Поэтому его опасность для космоходства уменьшается, а лет через двадцать мы сможем попросту подогнать к нему корабль и погрузить добро на борт. Правда, об этом, наверно, лучше поговорить потом... В любом случае я зарегистрировал все данные, касающиеся потока, так что не расстраивайтесь, если ваши приборы вышли из строя. Скоро увидимся...

Не успел Китли закончить фразу, как вновь послышался голос Колфилда:

– Попробуйте пятый.

Нолан нажал на соответствующую кнопку, свет на мгновение погас, но затем снова вспыхнул красный сигнал. Нолан взглянул на капитана.

– Колфилд, что там у вас происходит? – спросил Грегори.

Пленник ответил, что гнездо пятого стержня расчищено на четверть, но дальше он снова застрял. Что-то мешает внутри реактора. У Колфилда была идея, как с этим справиться, но время истекло. Можно ему поработать еще пять минут?

– Нет, – сказал Грегори.

– Но осталось немного, – возразил Колфилд. – У меня получается лучше, чем у всех вас, вместе взятых. Дайте мне пять минут, моя карта все еще красная...

– Ну хорошо, – сдался Грегори.

Тут он подумал о том, что, даже если реактор не взорвется, что, правда, вызывало тяжкие сомнения, особенно после последних слов Колфилда, корабль находится в страшном состоянии. Потребуется как минимум неделя, чтобы привести его системы в порядок и восстановить герметичность. Но Грегори не мог отделаться от леденящего предчувствия, что время утекает неотвратно и им отмерены не дни, а минуты. Грегори знобило, неприятно сосало в желудке, и вдруг он понял, что эти симптомы означают лишь одну болезнь – страх смерти.

В этот момент Грегори ощутил, что корабль слабо содрогается, чуть вздрагивают подлокотники кресла.

– Что еще там случилось, Колфилд?

– Я двигаю стержни... надо проникнуть... – пленник делал паузы, чтобы перевести дыхание. – А то... а то мне не забраться внутрь.

Грегори почувствовал, как струйка пота потекла у него по лбу. Колфилд явно лгал. Стержни нельзя было так двигать. Они для этого не приспособлены. Но почему он врет? Что он там внизу делает?

Еще пятнадцать минут назад Грегори сразу ответил бы на этот вопрос. Именно поэтому он настоял на том, чтобы Колфилд не снимал карту, и предупредил его против глупостей. Этот человек понимал, что он виноват в той страшной опасности, что создалась для кораблей, он понимал, что из-за него уже погибли люди и корабли, и, разумеется, мучился ощущением своей вины. Он мог решить, что обязан пожертвовать собой и кинуться в реактор, чтобы свести счеты с самим собой.

Теперь Грегори знал, что в течение одиннадцати лет этот человек скрывал свое настоящее имя. И все эти годы наказание за совершенное им преступление возрастало и соответственно возрастал страх разоблачения. И он скрывал свое имя до последней минуты, отказываясь от воспоминаний, и дал ложные показания о втором потоке в надежде, что они минуют его, не обнаружив тела. Но тело человека, умершего одиннадцать лет назад, было найдено, и на нем был диск с именем Джеймса Эндрю Колфилда.

Конечно, пленник чувствует себя плохо. И не известно, что в нем берет верх – чувство вины или чувство страха. Потому что он не бывший механик «Подсолнечника», а его бывший капитан Уоррен.

Грегори сделал знак Нолану, чтобы тот молчал и быстро выбрался с мостика. Без единого звука он постучал по шлему Хартмана и приказал ему жестом следовать за ним. Они вместе осторожно спустились в колодец. Там плавали свинцовые кирпичи и обломки оболочки реактора, выброшенные туда пленником. Вот почему Грегори ощутил вибрацию!

Пробраться колодцем они теперь не могли, но видели, что происходит на его дне. Пленника там не было. И это могло означать лишь одно: он был в активной зоне реактора.

– Он выбросил все сюда руками! – сказал Грегори. – Нам придется расчищать проход. Времени нет!

– Не подходите ко мне! – раздался в наушниках хриплый голос Колфилда.

Тут же послышался и голос Нолана:

– О чем вы говорите? Что там происходит?

Объяснять было некогда. Грегори потянул за отошедший лист обшивки и дернул его, пытаясь оторвать. Он был в отчаянии. Он ощущал себя заточенным на тысячелетия в бутылку джинном...

Уоррен был любимым капитаном на своем корабле. Ему грозили суд, позор, разжалование и, возможно, тюрьма. Руки и лицо его обгорели во время взрыва в трубе настолько, что узнать его было невозможно. Даже по отпечаткам пальцев нельзя было определить его личность. Умиравший механик выбросился в космос. И Уоррен по настоянию команды взял себе личность механика. А в госпитале на Земле миссис Уоррен поняла, что она вовсе не вдова. И она снова вышла замуж за своего для всех умершего мужа.

А Грегори подозревал черт знает что!

– Сэр! – буквально загремел в ушах голос Нолана. – Он туда залез! Он вытаскивает стержни руками! Что мне...

– Не вмешивайтесь, – раздался спокойный голос пленника. – Дайте мне подумать.

– Но мы же можем в любой момент взлететь на воздух!

– Колфилд, прекратите! – сказал Грегори. – Выйдите из зоны. Сейчас же!

Ответа не последовало.

Капитан Уоррен был умным и знающим космонавтом. Все годы, проведенные под чужим именем, он постоянно искал сообщений о жертвах, которые мог вызвать созданный им метеоритный поток. Не позавидуешь такой жизни. К тому же жена взяла с него слово, что он не вернется в космос. От этого было еще тяжелей. А вокруг все росла враждебность к тем, кто засорял космос, особенно к повинным в том капитанам... Страх, растерянность, чувство вины накапливались в нем год от года.

Слишком долгое и жестокое напряжение может разрушить всякий разум. А страх и чувство вины могут превратиться внезапно в слепую бессмысленную ненависть к преследователям. Не исключено, что тело настоящего Колфилда послужило той соломинкой, которая сломала спину верблюду... Ведь преследователи бывшего капитана – его спутники на «Декарте»...

Грегори раскидывал обломки, набившие колодец, не задумываясь о том, что может повредить скафандр. Он уже верил в то, что в реакторе таится сумасшедший. И их жизнь сейчас зависела от того, успеют ли они вытащить его оттуда.

Так прошло несколько минут.

Внезапно на дне колодца Грегори увидел запрокинутое лицо Уоррена.

– Все в порядке, джентльмены. Я выхожу, – сказал он.

– Реактор дезактивирован, – возбужденно воскликнул Нолан. – Мы спасены!

«Да, мы спасены», – устало подумал Грегори. Но не все. От него до Уоррена было двадцать футов, а счетчик Гейгера безумствовал.

Работая как сумасшедшие, они соорудили временный переходник у одной из неповрежденных кают. Загерметизировав кабину и снабдив ее аварийным запасом кислорода, они внесли туда Уоррена и раздели его. Он был достаточно облучен, чтобы добавлять к этому радиацию от скафандра. Тогда же они обнаружили, что он вошел в активную зону с самого начала. «Радиационная карта», которую они сняли с него, оказалась кружком, вырезанным из обложки его блокнота.

– Вот, значит, какой у вас талисман, – проворчал Грегори. Затем он поднялся на мостик, чтобы выяснить, соорудил ли Нолан передатчик. Оказалось, что все в порядке, и Грегори передал срочные инструкции Китли.

«Змей» приблизится к ним немедленно, возьмет на борт заключенного и проследует на максимальной скорости к Титану. Реактор «Декарта» был поврежден, но прямой опасности для корабля нет. «Змей» к тому же оставит им свои манипуляторы, чтобы ускорить ремонт. Тогда они смогут вернуться своим ходом, правда очень медленно. Именно поэтому заключенному нельзя было оставаться на «Декарте».

Отдав приказания Китли, Грегори вернулся к Уоррену.

– Вы знаете, на какое-то время я решил, что вы намерены нас взорвать, – произнес смущенно Грегори, поднимая забрало шлема. – Когда вы начали двигать стержни...

– У меня не было другого выхода, чтобы вытащить эти чертовы кирпичи, – сказал Уоррен. Он лежал лицом к стене.

Грегори нужно было сказать заключенному слова, которые трудно произнести человеку его профессии и характера. А Уоррен не хотел ему в этом помочь. Грегори сказал:

– Там, на Титане, хороший госпиталь. Они специализируются на этих вещах... Вы там пробыли двадцать минут. Если они возьмутся за вас быстро, а мы постараемся, чтобы так и было, у вас есть шансы выкарабкаться. Я прилечу и попытаюсь уговорить вас согласиться на сеанс воспоминаний...

– Типично для вас, – устало произнес Уоррен.

Физически он не изменился – болезнь концентрировалась в костном мозге, в кроветворных органах, внутри... Наверное, сейчас он уже чувствует последствия облучения. Грегори продолжал:

– Я честно рассчитываю на то, что доклад о характере потока будет исходить от вас и, разумеется, будут учтены ваши заслуги в обнаружении тела капитана «Подсолнечника»...

Уоррен лежал неподвижно.

– Да послушайте, Колфилд! – громко сказал Грегори. И замолчал.

Он подумал, как интересно устроено у человека подсознание. Даже после того как тело настоящего Колфилда было принято на борт, он продолжал называть пленника Колфилдом, и даже потом, когда у него было достаточно времени, чтобы посвятить во все Нолана и Хартмана, он продолжал молчать – а ведь при нормальных обстоятельствах он первым же делом рассказал бы им об этой удивительной истории. А он думал и думал о трагедии «Подсолнечника» и обо всем, что пережил и передумал Уоррен за одиннадцать лет. Наконец, он думал о том, что произошло в реакторе «Декарта», и понимал, что его подсознание оказалось мягче, чем он предполагал. И что дела куда важнее слов.

Он вынул из кармана личный диск механика Колфилда и надел цепочку на шею Уоррена.

– Желаю удачи, мистер Колфилд, – сказал он сухо, поднялся и вышел из каюты.

Диск – безусловное доказательство того, что пленник лишь выдавал себя за Колфилда. И если Грегори возьмет его себе, то когда-нибудь он может поддаться слабости и лишней раз раскрыть рот, а то и подумать о той славе, которая достанется ему за то, что он распутал такое дело. Значит, оставалось, чтобы никогда не поддаться слабости, либо отдать диск человеку, который уже привык называть себя Колфилдом, либо выкинуть его за борт и забыть.

Но дело в том, что Грегори можно обвинить в разных грехах, в том числе и в невнимании к судьбе вещественных доказательств. Однако одного он никогда не сделает: выкинуть что-нибудь в космос капитан Грегори не способен. Это невозможно.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://Royallib.ru)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)